

Понятие прекариата как социальной группы, живущей в условиях высокой неопределенности, стало популярным благодаря книге Гая Стэндинга. Его описание прекариата окрашено в негативные тона гнева, страха и презрения. Противоположную и дополнительную точку зрения занимает Нассим Талеб и его теория «черных лебедей». В статье проведены параллели между современными процессами прекариатизации и социальной структурой полисов периодов зрелой античности и эллинизма. Показано, что прекариатизация креативного класса, в том числе – архитекторов формирует новые вызовы и новые возможности для развития профессии.

Ключевые слова: прекариат; креативный класс; архитектура; социология; социальная психология. /

The notion of the precariat as a social group living in highly uncertain conditions became very popular due to the book by Guy Standing. His description of the precariat is coloured with negative tints of anger, fear and disgust. Nassim Taleb with his theory of “black swans” expresses an opposite and additional point of view. The article draws a parallel between the current processes of precariatization and the social structure of polices in the times of late Antiquity and Hellenism. The article proves that precariatization of the creative class, including architects, produces new challenges and new opportunities for development of the profession.

Keywords: precariat; creative class; architecture; sociology; social psychology.

Города Прекариатов / Cities of the Precariat

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

В 2011 году вышла книга английского социолога и экономиста Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс» [1]. Время было тревожное: мировой экономический кризис развертывался во всей грозной силе своей катастрофической фазы. Огромное влияние приобретали книги и выступления другого, гораздо более знаменитого экономиста Джозефа Стиглица. Еще в начале двухтысячных он начал предупреждать об опасностях глобального капитализма [2]. Через десять лет его теория «двенадцати процентов» превратилась в идеологию массового движения против безграничной власти «жирных котов» [3].

Учитывая социально-психологический фон, неудивительно, что книга Гая Стэндинга проникнута тревогой и гневом. Автор дает определение прекариата в исключительно мрачных тонах. Этот «новый класс» не только ограничен в своих правах и свободах, зависим от капризов работодателя и практически беззащитен перед внезапными изменениями уклада жизни. В определение прекариата Стэндинг вводит совершенно негативные психологические черты. Эти люди погружены в страдания. Им страшно жить в непредсказуемо меняющемся мире. Они находятся под давлением аномии – смысл их жизни утрачен, они не могут определить свое место и роль в обществе. Они испытывают бессильный гнев на окружающий мир, такой ненадежный и несправедливый.

Алармистское звучание книги настолько сильно, что в результате искажается реальная картина. Точка зрения Стэндинга и его единомышленников однозначна: принадлежность к прекариату выглядит как жизненная катастрофа и величайшее несчастье. Работники креативных индустрий, наравне с мигрантами, наиболее подвержены прекариатизации, поэтому архитекторы (как представители одной из самых творческих профессий) в сегодняшнем мире заслуживают всяческого сочувствия, их надо жалеть и защищать.

Однако далеко не все архитекторы стремятся стать объектом для жалости и опеки. Напротив, многие выбирают гораздо более активную позицию по отношению к кризисным явлениям. Идеология тех, кто видит в глубинных переменях не только распад старого, но и рождение нового уклада жизни, выражена в теории «черных лебедей»

Нассима Николаса Талеба [4]. Не жалость, страх и гнев, согласно Талебу, составляют конструктивную реакцию на глобальные перемены, а гибкость, подвижность и непредвзятость. Творческий потенциал креативного класса, по Талебу, – это не слабость, а главное преимущество в поисках своего места в новом, текучем мире.

1. Античный след

Нельзя сказать, что прекариаты появились впервые в наше время глобального кризиса. Корни этого явления (как и многих других явлений современности) можно проследить в античной древности. Как известно, экономика Древней Греции и Рима строилась на труде рабов – людей, лишенных почти всех гражданских прав. Жизнь раба полностью принадлежала его хозяину. Свободные люди, граждане античных городов сами распоряжались своей судьбой. Однако между этими группами людей – рабами и гражданами – располагались весьма существенные по численности и значению страты.

Метеки, перизки, илоты, банавсои – все эти резиденты (жители) античных городов не были гражданами (демос) и потому не обладали полным «пакетом» гражданских прав. Они не могли в полной мере участвовать в выборах, не имели права напрямую обращаться в суды для защиты своих прав, их облагали дополнительными поборами и налогами, им был ограничен доступ к высшему образованию и так далее. Их здоровье, обучение, профессиональное развитие, их собственность, положение в структуре социума, честь и достоинство были защищены гораздо слабее, чем у полноправных граждан.

В периоды экономического процветания эти «недограждане» практически уравнивались в правах и возможностях с демосом. Но при наступлении любых «тяжелых времен» им тут же давали понять: их права ограничены, они не полноправные хозяева своей судьбы, и сама их жизнь частично или полностью принадлежит не им, а тем, кто позволил им жить в полисе. В классический период античности число «недограждан» значительно превышало количество полноправного демоса; только рабы составляли половину населения, а резиденты (частично урезанные в правах) – еще примерно треть. В основном страты «недограждан» пополнялись переселен-

< Ежегодный фестиваль Вивид (Vivid) в Сиднее – парад новейших технологий виртуальной архитектуры (3d video mapping). Лазерные проекторы превращают знаменитое оперное здание в нечто совсем иное

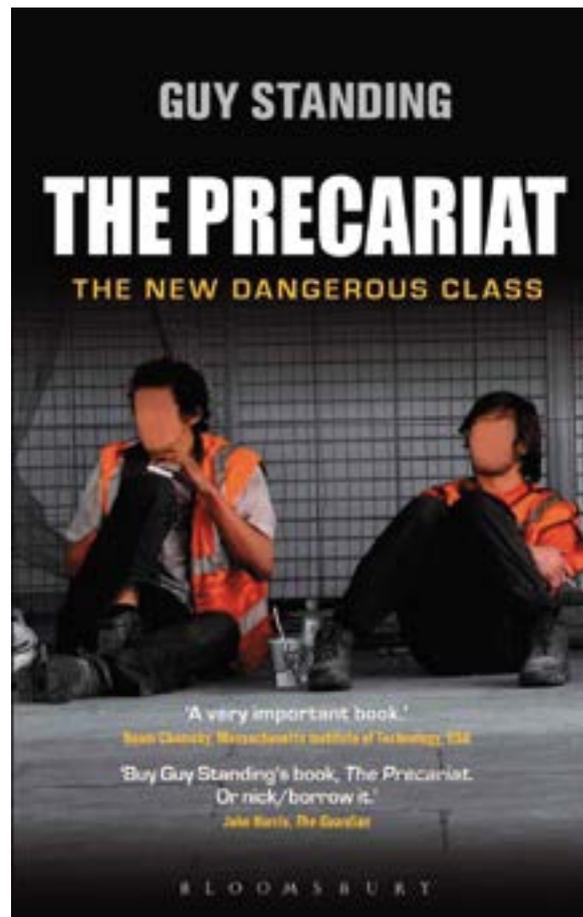
ленцами с юга и востока – из регионов, которые теперь называются Восточной Европой, европейской частью России и Северной Африкой. При этом большинство рабов и метеков становились ими более или менее добровольно. В комедиях Аристофана встречается такой типаж – скиф, который разговаривает на койне с диким акцентом (и поэтому смешон). Он приехал в Афины, чтобы продать в рабство своих детей. Их рождается слишком много, чтобы прокормить, а жизнь раба все же лучше голодной смерти в родных степях.

Сходство социальной структуры и экономических отношений между зрелой античностью и современным глобалистическим миром бросается в глаза. Эдвард Мейер и Теодор Моммзен, Вернер Зомбарт и Макс Вебер – все эти замечательные ученые так или иначе отмечали сходные черты античной рабовладельческой экономики и современного капитализма.

Особенно оправданной выглядит такая параллель в особой фазе развития социума, которую Аристотель назвал сочным словечком «хрематистика». В противоположность «экономике» – естественному производству и потреблению жизненно необходимым ресурсов – хрематистика означает деятельность по накоплению излишних запасов и игре с ними. Крайней и наиболее противоестественной формой этого явления Аристотель полагал ростовщичество. В современных терминах хрематистика означает ситуацию, когда банковские и биржевые структуры начинают преобладать над «реальным сектором» бизнеса, а финансовые спекулянты составляют наиболее богатую и влиятельную часть общества. Как раз в этой ситуации разрыв между прекариатами и элитой становится наиболее вопиющим.

Сегодня, когда хрематистика достигла невиданных степеней, прекариат (рабы, илоты, метеки, перизки, банавсои и прочие резиденты) составляет огромное большинство; по подсчетам Дж. Стиглица – до 99% общества. Гражданские права этого большинства урезаны в пользу крошечного меньшинства, которое только и является действительно полноправной частью общества.

2. Прекариат – житель общественных пространств
Параллели с античностью достаточно глубоки, чтобы

< Обложка книги Гая Стендинга. Вот так, по мнению английского социолога, выглядят представители прекариата

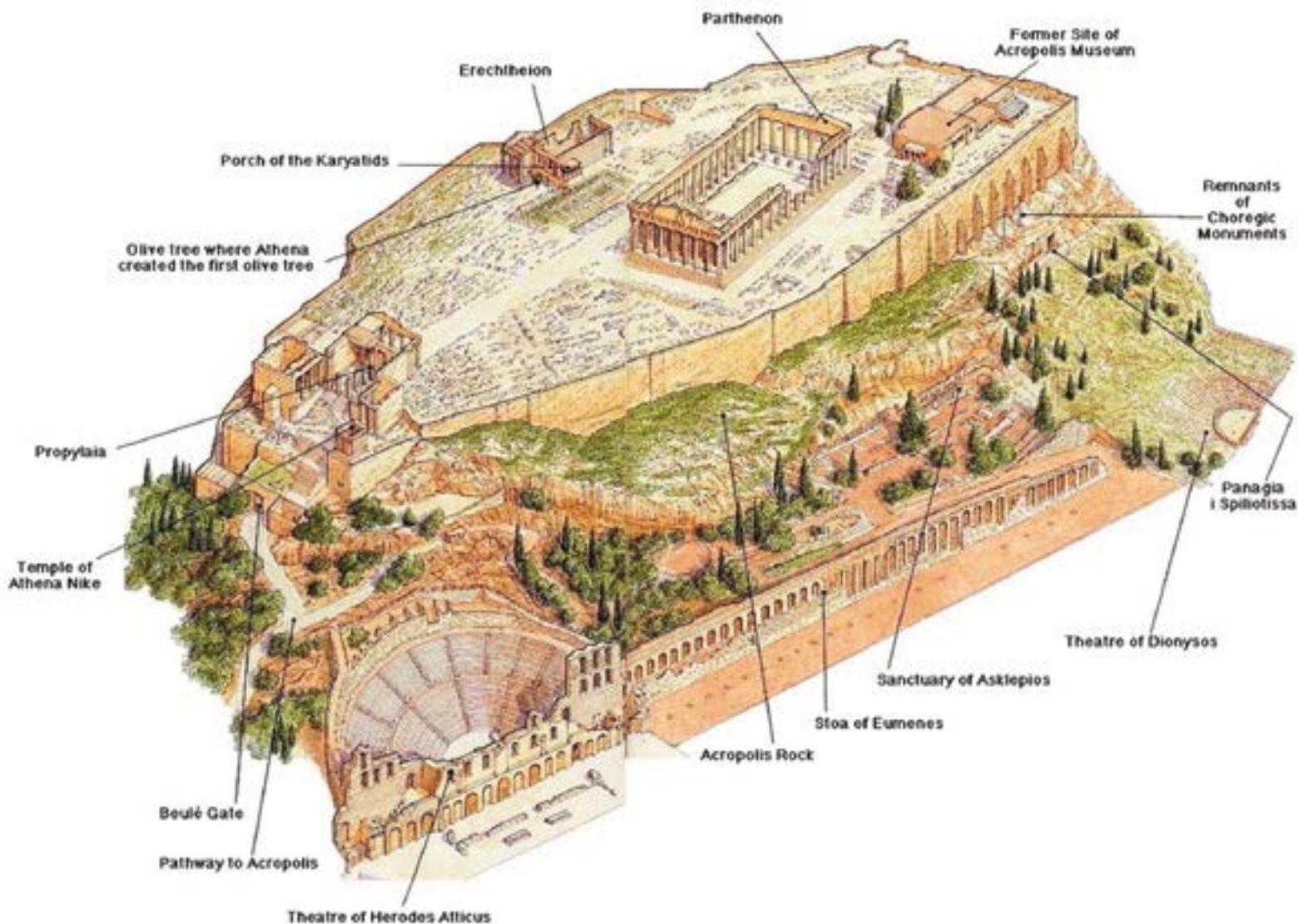
распространить их не только на экономический уклад, но и на весь образ жизни.

В те периоды, о которых у нас идет речь, житель античного полиса большую часть времени проводил в разнообразных общественных пространствах. Молодежь собиралась в гимназиях и палестрах, образованные люди – в стоях и академиях, азартные – на ипподромах и стадионах, и все слои встречались в театрах. Центром

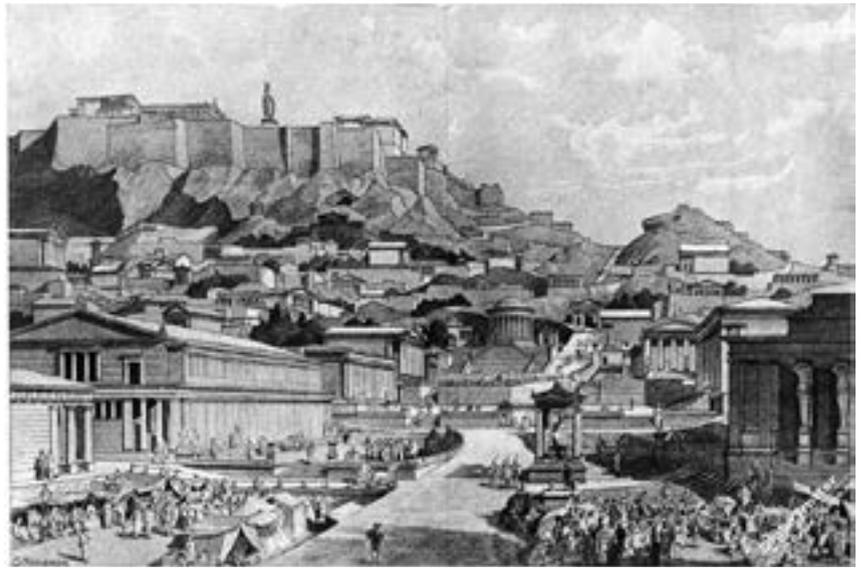
< Плакат протестного движения «Европейский Первомай» (EuroMayDay). Прекариат начинает осознавать себя в качестве социальной силы и разворачивает борьбу против власти финансовых элит – «жирных котов»

v Реконструкция афинской агоры классического периода. Традиционный архитектурный анализ сосредоточен на строениях, входящих в комплекс. Возможно, более важным было бы рассмотреть его в качестве комплекса общественных пространств?

^ «Школа Платона», мозаика из Помпеи. Свободная дискуссия уличного философа – прототип социальных сетей интернета?

^ Улицы и площади античного полиса были заполнены пестрой толпой

повседневной жизни города служила многофункциональная торговая площадь, агора.

Интенсивная общественная жизнь имела целый ряд последствий.

Несмотря на отсутствие современных СМИ, в античном полисе возник феномен, который Маршалл Маклюэн назвал «глобальной деревней» – прозрачная информационная среда, в которой все про всех всё знают и никакие секреты невозможно удержать надолго. Отсюда – поразительная открытость и толерантность античной культуры. Тиран открыто признается в своем тиранстве, не пытается притворяться либеральным демократом. Тираноборец тоже не особенно маскируется, так что приемы плетения заговоров (особенно по сравнению с эпохой Ренессанса, якобы возрождавшей античность) выглядят по-детски простыми и наивными. Отсюда же – слабая табуированность сексуальной жизни. Все оттенки голубого и розового, педофилия, зоофилия и еще множество всяких «– филий» существовали в античности так же, как везде и всегда, но греки и римляне даже не пытались прятать свои нестандартные пристрастия; все равно все всё знают.

Еще одним следствием активной роли общественных пространств города стало значительное влияние общественного мнения. Задолго до появления социальных сетей возникла система, выполняющая специфические функции этих «порождений интернета» – превращение сырого потока событий в связную, общественно принятую картину мира. Античные уличные философы (включая Демосфена, Сократа, Диогена Синопского и многих, многих других) гораздо больше похожи на современных блогеров, чем на академических ученых. Именно в уличных импровизированных дискуссиях формировался и оттачивался философский фундамент всей западной цивилизации. Задолго до популярных методик партиципативного (соучаствующего) проектирования, античные греки коллективно принимали решения о строительстве крупных объектов. Инициатива Перикла о радикальной перестройке Акрополя обсуждалась не только ареопагом, но и всем демосом Афин. Мало того, текущие отчеты о ходе строительства и расходовании средств вырезались на камнях и выставлялись на всеобщее обозрение [5].

Улицы и площади античного полиса выглядели совсем не так, как может показаться сегодня, с расстояния в двадцать пять веков. Беломраморные колоннады на фоне синего средиземноморского неба столь же похожи на реальный полис, как голый скелет – на живого и ярко одетого человека. Общественные пространства античного города – пестрые, кишмящие жизнью, шумные, остро и разнообразно пахнущие. Ярко раскрашенные статуи и фронтоны образовывали постоянную составляющую городской среды, на фоне которой бушевала переменчивая стихия разноцветных занавесей, нарядов, украшений.

В таком пространстве и протекала повседневная жизнь античного прекариата.

3. Прекариаты и облик городов

Современный прекариат быстро растет и уже начинает осознавать себя в качестве социальной силы. Растет и то влияние, которое образ жизни прекариата оказывает на облик современных городов. Причины этого явления таинственны и парадоксальны.

Экономическая основа сегодняшнего общества все же отличается от античной. Даже в самой глубине скифских степей дети не умирают от голода. Растущая производительность труда уже приводит к тому, что в странах «золотого миллиарда» всеобщий труд перестает быть необходимостью. Всерьез обсуждаются варианты, когда граждане передовых (самых богатых) стран смогут получать прожиточный минимум еды, одежды, жилья просто так, просто за то, что они – граждане.

По мысли Аристотеля, без рабов можно было бы обойтись в том случае, если бы существовали инструменты, сами исполняющие свою работу. Сегодня такие инструменты есть. В сельском хозяйстве, где еще сто лет назад требовалось огромное большинство трудовых ресурсов, сегодня осталось 7–5% трудоспособного населения; остальное делают машины. Те же процессы идут во всех других областях. Производство предметов массового спроса кочует по планете в поисках дешевой рабочей силы, но даже Юго-Восточная Азия уже теряет свои преимущества по сравнению с автоматизированными поточными технологиями. Нет прямой экономической необходимости урезать права огромных масс «недограждан».

< В рождественские каникулы фасад Министерства иностранных дел в Лондоне превратилось в огромный плакат

Тем не менее, это происходит – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Прекариатизация – не экономическое, а идеологическое явление, проявление тектонических процессов «круговорота логоса» в коллективном бессознательном огромных масс людей [6].

Прозрачность социальной среды снова приобретает крайние формы. Несмотря на вспыхивающие то тут, то там скандалы по поводу нарушения прайвеси, общая тенденция развивается быстро. Гугл знает все про всех, и «поколение Z» учится существовать в этой новой реальности. Единственной альтернативой «жизни в аквариуме» является «жизнь на сцене»; единственным способом спрятать хоть что-то от всепроникающего взгляда социума становятся многослойные маски, роли, которые мы играем.

Городская среда в целом приобретает все большее сходство с декорациями. Особую ценность для игровой прекариата составляют фрагменты этой среды, наиболее выигрышные в качестве фона для селфи. Переменчивость, ненадежность, одноразовость этих элементов становится преимуществом, обеспечивая эксклюзивность снимка. Иногда тенденция приобретает курьезные формы – на фестивале «Архитектурное наследие – 2018» один из конкурсных экспонатов представлял собой старинное здание, которое было реставрировано при помощи накладных элементов из пенопласта, раскрашенного под лепнину и кирпич. Здание прекрасно смотрелось на фотографиях выставочного стенда.

Предельным выражением зыбкости городской среды, воспринимаемой прекариатом, могут служить фасадные проекции. Современная световая арматура позволяет спроецировать на фасады зданий любую «накладную» картинку. Можно «раскрасить» фасад в яркие, пестрые тона. Можно исказить пропорции, ритм, акцентировку здания. Можно превратить фасад в один огромный плакат. На рождественских каникулах фасад британского Министерства иностранных дел украсился масштабным портретом В. В. Путина, ехидно вопрошающего лондонцев: «А вы без меня не скучаете?». Целые улицы и кварталы «городского интерьера» могут становиться произведениями авангардных экспериментов виртуаль-

ной живописи, какие и не снились даже самым дерзким граффитистам.

Образ городской среды, теряющей твердость и устойчивость, составляет новый контекст для развития архитектуры. Стабильный, стационарный «скелет» города уходит вглубь, скрывается от восприятия горожанина. Доступной остается лишь зыбкая и переменчивая стихия, наполовину состоящая из иллюзий. Город выглядит уже не сценой для повседневного шоу жизни, а самим этим шоу, в котором зодчий – не декоратор, а режиссер.

К сожалению, нами практически полностью утрачен опыт такой архитектуры. Античные мастера каким-то образом формировали и управляли повседневной стихией полиса. Леонардо да Винчи достиг «божественного» мастерства и громкой славы именно в организации уличных событий – шествий, праздников, триумфов. Реставрация этих произведений великих предков, а тем более – методов, которыми они пользовались, еще даже не началась.

Заключение

Молодой архитектор ММ приехал в этот город два месяца назад. Его пригласила мэрия, организующая фестиваль в честь какого-то юбилея, а ММ со своей командой пользовался заслуженной репутацией эксперта по проекционным технологиям. Они заранее собрали сведения об этом городе – историю, наиболее своеобразные уголки, особенности местного менталитета. Отсняли улицы, по которым должен пройти фестиваль, определились с эмоциональными ключами и их динамикой в общей партитуре, выбрали подходящие образы для видеоряда, дорисовали недостающее. Промежуточные варианты проекта вывешивались и бурно обсуждались в интернете. Жители города реагировали достаточно активно: молодые, как обычно, веселились и прикалывались, взрослые требовали удовлетворения своих личных вкусов, «третий возраст» предавался ностальгическим воспоминаниям.

Праздник удался – лазерные и светодиодные проекторы на крышах домов, на дронах, на специальных машинах действительно создали впечатляющую среду для всех событий фестиваля, заканчивая апофеозом карнавального шествия по улицам города. Зрелище транслировалось

< Новогоднее шоу «Зима в Венеции», которое устроила фирма Лазервижн (Laservision) в Макао. В шоу было одновременно задействовано больше 40 тысяч квадратных метров городских фасадов

через десятки каналов интернет-телевидения, права съемки приобрели несколько крупных студий, спонсоры и рекламодатели тоже остались довольны.

Мэрия, правда, обманула ММ, итоговый платеж так и не пришел. Требовать обозначенную в контракте оплату, разумеется, было бы делом безнадежным. Выручила предусмотрительность опытного игрока – сумма аванса на самом деле покрывала все расходы, и еще оставался вполне приличный гонорар. Фамилия самого ММ как автора феерического зрелища тоже нигде официально не звучала – все фанфары и поздравления достались чиновникам из мэрии и спонсорам. Но ММ не остался в обиде. Коллеги по узкому кругу профессионалов и так знали, кто настоящий автор нашумевшего проекта. Разумеется, не его настоящее имя, а только личный «ник» – кому же придет в голову фигурировать под своей фамилией и привлекать внимание налоговой инспекции?

Усталый и довольный, ММ поднялся в свой гостиничный номер. Автоматически зажегся неяркий свет, растекся по нейтрально-серым стенам. ММ достал из кармана заветную флешку, уже совсем старую и потертую, вставил в гнездо у двери. Плавно включились проекторы. Несколькими экономными движениями ММ отрегулировал время суток, сезон и погоду.

Интерьер привычной родительской квартиры выглядел предельно реалистичным (гостиница не зря считалась лучшей в городе). Полки с книгами, старая мебель, за окном – знакомый с детства городской пейзаж. Под кожей старинного, еще дедовского кресла, правда, ощущались формы стандартного гостиничного сидалища, но привычным усилием воображения ММ убрал перцептивный диссонанс из сознания. Перед сном предстояло поискать сообщения о новых конкурсах и потенциальных заказах, просмотреть ленты новостей – какие еще новости грянули за последние часы и как они могут сказаться на рынках архитектурных проектов, что вообще нового случилось в быстро меняющемся, прекрасном и яростном мире...

Литература

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ.

Г. Г. Пирогова. – М.: Мысль, 2003. – 131 с.

3. Стиглиц Дж. Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.

4. Талеб Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости. – М.: Колибри, 2009. – 680 с.

5. Берд М. Парфенон. – М.: ЭКСМО, Мидгард, 2007. – 229 с.

6. Лидин К. Круговорот логоса в природе: Конверсия как циклическая смена смыслов // Проект Байкал, № 55. – С. 68–74

References

Beard, M. (2002). The Parthenon. London: Profile Books.

Lidin, K. (2018). Logos Circulation Conversion as a cyclic renewal of meanings. Project Baikal 15 (55), 24-28. doi:10.7480/projectbaikal.55.1276

Standing, G. (2011). The Precariat – The New Dangerous Class. London: Bloomsbury.

Stiglitz, Joseph E. (2002). Globalization and Its Discontents. New York: W. W. Norton & Company.

Stiglitz, Joseph E. (2012). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. New York: W. W. Norton & Company.

Taleb, N. (2007). The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. New York: Random House

v Художник Клемент Бринд (Clement Briand) превращает кроны деревьев в виртуальные скульптурные маски

